

НАСЛЕДИЕ АЛЕКСЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА МАРКОВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

С жизнью и деятельностью Алексея Владимировича Маркова связана одна из интересных, но малоизученных страниц русской фольклористики. В историю науки он вошел не только как неутомимый собиратель, составитель свода «Беломорские былины», но и как талантливый исследователь, труд которого еще в полной мере не оценен потомками. В 2007 году отмечаются две памятные даты, связанные с его именем, — 130 лет со дня рождения и 90 лет со дня смерти. Памяти замечательного ученого альманах посвящает эту рубрику. Кому-то, возможно, покажется, что материалы, положенные в ее основу, мало похожи на юбилейные публикации. Однако все они показывают, что может привлекать наших современников в судьбе и наследии Алексея Владимировича Маркова.

Открывает рубрику статья, написанная внучкой ученого Натальей Александровной Марковой. Возможность погрузиться в атмосферу семьи, в которой рос Алексей Владимирович, важна не только для его потомков. Этот очерк позволяет всем, кому не безразлична судьба и научный выбор представителей исторической школы, почувствовать родовые истоки будущих научных интересов ученого. Небольшая заметка о первых собирательских опытах Маркова свидетельствует о столь рано проявившемся чутье молодого исследователя к новому материалу, его умению не только зафиксировать, но и вдумчиво систематизировать обнаруженные фольклорные тексты.

Сегодня без опоры на труды Алексея Владимировича практически невозможно представить себе отечественное эпосоведение. Молодые ученые нередко делают его наблюдения и классификации отправной точкой в своих изысканиях. Иногда их открытия опровергают позиции старой науки, но вряд ли будет ошибкой сказать, что жизнеспособность трудов Маркова заключена в неисчерпанности их научного содержания. Вот почему здесь мы представляем вашему вниманию статью Н.В. Петрова «Вахрамей Вахрамеевич против Идоллица: закономерности в образовании былинных имен».

Заключает подборку опыт библиографии трудов Алексея Владимировича Маркова и исследований, посвященных его научной деятельности. Это первая попытка такого рода систематизации. Надеемся, что дело, которое мы начинаем этой скромной публикацией, в скором времени будет продолжено, а архивные находки расширят круг наших представлений об этом интересном ученом.

Н.А. МАРКОВА
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ¹

Алексей Владимирович Марков родился 130 лет назад 8 мая (20 апреля) 1877 г., а умер 31 августа (13 сентября) 1917 г. Он известен, прежде всего, как собиратель и исследователь северного эпоса. Но, как справедливо замечает С.Н. Азбелев, его исследования касаются также и иноэтнических фольклорных материалов, и средневековой литературы [Азбелев 2001, 98].

В целом, даже беглый анализ заголовков опубликованных А.В. Марковым работ показывает, сколь разнообразны и, в то же время, тесно взаимосвязаны были его интересы. Помимо собирания и публикации произведений устного народного творчества, причем не только былин, духовных стихов, но и лирических песен, загадок, обрядов, А.В. Марков анализировал и обобщал собираемый материал. Как отмечает Т.Г. Иванова: «А.В. Марков по сути дела был первым крупным ученым, в научной деятельности которого одинаково важную роль играли собирательская и исследовательская работа» [Иванова 1993, 36]. Большое внимание Алексей Владимирович уделял проблемам методологии.

Фольклористическая сторона деятельности А.В. Маркова широко известна. В последние годы интерес к его трудам

¹ Автор выражает глубокую благодарность М.Ю. Новицкой за помощь в подготовке статьи, В.П. Корнееву за создание родословной схемы, М.А. Петруниной за предоставленные фотографии.

Алексей Владимирович Марков

растет в немалой степени благодаря переизданной недавно книге [Беломорские старины 2002], а также публикации ее в фундаментальной электронной библиотеке. В то же время работы А.В. Маркова о письменных источниках — летописях, церковных грамотах, — к сожалению, находятся вне поля зрения современных исследователей. Большинство его статей, опубликованных в дореволюционных журналах «Этнографическое обозрение» и «Богословский вестник», в «Известиях Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности» и «Известиях Тифлиских высших женских курсов», где он преподавал в последние годы жизни, не переиздавалось. Работы эти находятся на стыке церковной и гражданской истории, в них привлекается широчайший круг источников, включая, например, материалы инквизиции о сказаниях катаров, болгарский и сербский фольклор, грузинские и сванетские сказания, финские, тюркские, индийские легенды. Объектами его исследований были легенды о святых иноках, народные молитвы. Его интересовала этимология «имени былинной киевской княгини» [Марков 1908] и происхождение «паломника Арсения Селунского» [Марков

1914], «литературный вымысел в московском летописании» [Марков 1914а] и «море Тивердианское в дуалистической легенде о сотворении мира» [Марков 1913].

Приведем название двух серий публикаций из Богословского вестника (1910—1911 гг.): «Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении» и «Вопрос о подлинности церковных грамот, входящих в состав Новгородских летописей».

А.В. Марков известен многим благодаря своей принадлежности к исторической школе. По мнению исследователей научного наследия этой школы, он явил «блестящие образцы соотнесений этнических сюжетов с русскими историческими событиями и историческими лицами» [Азбелев 2001, 98]. Его выводы о влиянии письменной, прежде всего духовной, словесности на эпос, о том, что фольклорные сказания во многом формируются на основе многократно переведенных и пересказанных литературных источников, для неспециалиста парадоксальны.

Основные вехи недолгой биографии А.В. Маркова хорошо известны благодаря работам Т.Г. Ивановой и С.Н. Азбелева [Иванова 1993; Азбелев 2001]. В то же время данные о его происхождении, семье, предках ранее не публиковались, а надо полагать, что именно семье и среде он обязан не только формированием круга интересов, но и возможностями их реализации.

* * *

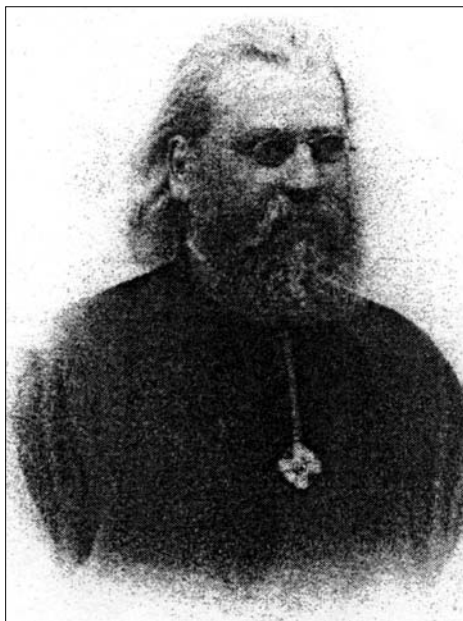
Алексей Владимирович принадлежал к клану просвещенного духовенства, центром которого была Московская духовная академия. Именно здесь учились четверо из его предков. Клан развивался благодаря заключению браков между лучшими из студентов и дочерьми преподавателей. Дочерей было много, в результате образовывались разветвленные семейные связи. Помимо службы (все они были настоятелями церквей в Москве) и преподавания, предки Алексея Владимировича были писателями, проповедниками, общественными деятелями. Главным научным увлечением семьи была история.

Марковы

Отец Алексея Владимировича, Владимир Семенович Марков, родился в 1841 г., в семье священника. Учился в Московской духовной семинарии, а затем в Московской духовной академии, которую закончил в 1868 г. Владимир Семенович был определен священником в штат Троицкой, что на Арбате, церкви. А вскоре, в начале 1871 г., после безвременной кончины своего тестя, Ипполита Михайловича Богословского-Платонова, унаследовал его место настоятеля Троицкой церкви. В 1901 г. он стал протопресвитером, настоятелем Московского Большого Успенского собора (в Кремле), а в 1911 г. — настоятелем храма Христа Спасителя. Владимир Семенович скончался 31 декабря 1917 г., через четыре месяца после того, как похоронил своего сына — Алексея Владимировича.

Помимо церковного служения отец Владимир вел научную, педагогическую, общественную и организационно-хозяйственную деятельность.

Вскоре после окончания Академии Владимир Семенович защитил магистерскую диссертацию по богословию «Евангелие от Матфея: Разбор и опровержение воззрений против него отрицательной критики Баура» (1869). Позднее она была опубликована в Православной богословской энциклопедии [Марков 1873]. Диапазон научных интересов отца Владимира был чрезвычайно широк, он включал различные аспекты церковной жизни: вопросы искусствоведения, истории, образования. Его интересовало древнее иконописание и архитектура храма св. Софии в Константинополе (сам он неплохо рисовал: в семье сохранился рисунок — портрет святителя Филарета (Дроздова)). Перу отца Владимира принадлежат исследования по истории раскола и очерки из жизни служителей Православной церкви. Владимир Семенович анализировал историческое значение церковно-приходской школы для православной России. Это подтолкнуло его к созданию труда о «Церковной школе по мысли святителя Филарета» [Марков 1904]. С именем святителя Филарета связан еще один вид деятельности Владимира Семеновича — подготовка к изданию и редактирование Полного собрания его резолюций [Филарет 1903—1906].

Отец Алексея Владимировича, Владимир Семенович Марков

Большое место в жизни отца Владимира занимала педагогическая работа. Он преподавал в Спасо-Вифанской и Московской семинариях, был законоучителем 5-й московской женской гимназии.

Многообразна благотворительная и общественная деятельность Владимира Семеновича: председатель совета приюта для неизлечимо больных, председатель Елизаветинского благотворительного общества, глава комиссии по заведению зданием Московского Успенского собора, член Московской духовной консистории, член Московского епархиального училищного совета — это отнюдь не полный список его обязанностей. Отец Владимир описывал имущество, производил инвентаризацию и оценку рукописных собраний монастырей, заведовал сбором и распределением пожертвований на беднейшие церкви.

За заслуги перед отечеством Владимир Семенович Марков был утвержден в дворянском достоинстве и с женой и детьми внесен в родословные книги. Среди светских наград отца Владимира орден Св. Анны всех степеней, орден Св. Владимира 3-й степени, многочисленные медали, а также орден Св. Саввы 2-й степени, пожалованный сербским королем.

Даже исходя только из перечисленных формальных сведений о Владимире Семеновиче Маркове, можно сделать вывод относительно некоторых особенностей его характера, прежде всего трудолюбия, стремления к активной деятельности, широты интересов. Эти черты унаследовал и его сын, Алексей Владимирович. Они помогли ему развить навыки кропотливой работы с текстами. Передались и организационно-хозяйственные навыки, без которых немислимы подготовка и проведение экспедиций.

Более детальное рассмотрение жизни семьи Марковых может быть основано на мемуарной литературе, прежде всего на воспоминаниях соседней Марковых — Сергея Соловьева и Андрея Белого.

Троицкая церковь, в которой отец Владимир прослужил 30 лет, располагалась на пересечении Арбата с Денежным переулком. Там родились и выросли все пятеро детей Владимира Сергеевича. Сейчас на этом месте одно из крыльев здания Министерства иностранных дел.

Денежный переулок и его окрестности — одно из уникальных мест Москвы. Даже беглое перечисление имен тех, кто был соседями Марковых, а весьма вероятно, и прихожанами Троицкого хра-

ма, впечатляет. Историки И.Е. Забелин и С.М. Соловьев, дочь историка М.П. Погодина А.М. Плечко (автор книг о Москве), писатель Е.А. Салиас де Турнемир, поэт Л.И. Пальмин (приятель А.П. Чехова). Какое-то время (1881—1882) там жила семья Л.Н. Толстого. Отдельно нужно упомянуть историка, академика Михаила Михайловича Богословского, который был не только соседом Маркова и прихожанином Троицкой церкви, но и, судя по многочисленным косвенным данным, кузеном матери Алексея Владимировича. По воспоминаниям Богословского, прихожанином был и живущий неподалеку историк П.В. Виноградов.

Два друга, два поэта, жившие в доме напротив Троицкой церкви, — Сергей Соловьев и Андрей Белый (Борис Бугаев) — в своих мемуарах по-разному характеризуют В.С. Маркова и его семью. По воспоминаниям Сергея Соловьева, который «несколько лет весь принадлежал церковному двору и проводил в нем каждый день время от завтрака до обеда», церковный двор (обитатели звали его «монастырь») «был целым поселком. Дом батюшки с мезонином был окружен тенистым садом, куда никто не ходил, кроме семьи священника» [Соловьев 1993, 195]. Кроме того, там были дома дьякона, второго дьячка, раннего батюшки, трапезника.

А вот как в глазах Соловьева выглядел отец Владимир: «Прекрасный старец, высокий и несколько полный. Под фиолетовой камилавкой волосы его были совсем серебряные. Он величаво плыл, благоухая кадилом, и голос его был тихий и певучий... Батюшка редко выходил из своего кабинета... Серебряный, пухлый, изливавший благость и тишину, о. В. редко сам гулял в саду. Иногда только он со старшим сыном таскал бревна на плечах и тогда казался

Троицкая церковь, в которой отец Владимир прослужил 30 лет

мне подобен святому с иконы» [Соловьев 1993, 193, 195].

По семейному преданию, плотницкое дело было увлечением отца Владимира. Два дома на даче в Пушкино он построил собственноручно (интересное «хобби» для церковного иерарха!). И это увлечение передалось по наследству: в одном из писем Алексей Владимирович, жалуясь на плохое самочувствие, говорит, что спасается лишь физическим трудом.

Андрей Белый весьма язвительен по отношению к отцу Владимиру: «Заслуга его: он народил детей, которых либеральная “матушка” к недоумению “батюшки” воспитывала радикалами; один, со склонностью к марксизму, впоследствии стал известным собирателем былин; он скоро умер...» [Белый 1990, 50].

О марксизме Алексея Владимировича стоит сказать подробнее. Обратимся опять к мемуарам Белого: «У “матушки” и у дочек собиралась радикально настроенная молодежь (“батюшки” не было видно на этих собраниях); с легкой руки Струве и Туган-Барановского во многих московских квартирах вдруг зачитали рефераты о Марксе, о социализме, об экономике; “модный” профессор Озеров, патрон Кобылинского, казался даже сочувствующим учению Маркса; он освящал эту моду тогдашней Москвой; экономист, ученик Озерова, Лев Львович Кобылинский, с яростью, характеризовавшей все его увлечения, бросался из гостиной в гостиную: с чтением рефератов; и, когда в квартире у Марковых молодежь составила кружок для изучения “Капитала”, Кобылинский здесь вынырнул руководителем кружка...» [Там же]. Трудно представить себе более неподходящего персонажа для пропаганды учения Маркса, чем поэт и критик Лев Львович Кобылинский (переводчик «Цветов зла» Бодлера). По свидетельству современников, он — лицо чрезвычайно экстравагантное, лишенное даже элементарной бытовой практичности, абсолютно не умеющий обращаться с деньгами.

Тем не менее, Алексей Владимирович действительно в каком-то роде стал «марксистом». Наиболее ярким проявлением этого было его участие в декабрьском восстании 1905 года. По семейному преданию, он был секретарем

Мария Ипполитовна, мать А.В. Маркова

дружины, вел делопроизводство (еще одно интересное применение отцовских организационных навыков).

Здесь уместно сделать некоторые замечания. Во-первых, ни домашний «марксистский» кружок, ни участие сына в революционных событиях никак не повлияли на карьеру отца. Во-вторых, интерес к марксизму в церковной среде свидетельствовал о широте и открытости взглядов, критичном отношении к действительности. Нельзя не отметить, что эти качества, которые отличали А.В. Маркова как ученого, он, по-видимому, унаследовал от своей матери, Марии Ипполитовны, урожденной Богословской.

Богословские

Алексей Владимирович не только нежно любил свою мать, но и, по-видимому, находил в ней понимание и сочувствие всем своим начинаниям. В письмах из экспедиций он подробнейшим образом описывал свои впечатления. Примечательна подпись в письме от 28 июля 1900 г.: «Прощай моя мамаша! Любящий тебя “старьевщик”» (то есть собиратель старин) [РГБ 4-82].

Относительно матери Алексея Владимировича Маркова, Марии Ипполитовны, помимо данной Белым характеристики «либеральная», известно

Ипполит Михайлович Богословский-Платонов, дед А.В. Маркова

довольно мало. Разве что словесный портрет из мемуаров С.М. Соловьева: «Навстречу вышла, любезно изгибаясь, приземистая матушка с серыми волосами, карими глазами, круглым носиком и сдобным голосом» [Соловьев 1993, 195]. Значительно больше мы знаем о ее отце и в целом о семье, к которой она принадлежала.

В написанном С.М. Соловьевым некрологе В.С. Маркова говорится, что он «унаследовал место своего тестя, известного Ипполита Михайловича Богословского» [Соловьев 1918, 247]. «Известный» и спустя без малого полвека после кончины, Ипполит Михайлович Богословский-Платонов родился в 1820 г. в семье московского священника². Окончил Московскую семинарию и Московскую духовную академию (в 1844 г.). В бытность студентом отличался даром

² Сведения об И.М. Богословском-Платонове почерпнуты из статьи в юбилейном сборнике [У Троицы 1914], а также из обширных некрологов [Некролог 1870; Смирнов 1871].

проповедничества и особенным расположением к музыке и пению. Пел он басом, причем не только в хоре, но и в кругу друзей. Хорошо играл на рояле.

Как видим по фамилии, он принадлежал к блестящей плеяде «платоников» — тех, кто во время учебы в Академии за успехи удостоивался одной из пяти стипендий, учрежденных митрополитом Платоном (Левшиным). Особой честью платоновских стипендиатов была двойная фамилия: к родовой части добавлялось «Платонов». Академию Ипполит Михайлович закончил первым из курса, защитив магистерскую диссертацию. В юбилейном сборнике [У Троицы 1914] ему, как и всем остальным платоникам, посвящена статья.

По окончании курса он был оставлен при академии бакалавром логики и истории средневековой и новой философии. Составил полный курс преподаваемых наук, незначительный отрывок из которого «Арабы и их философия» опубликовал в журнале «Москвитянин» в 1850 г. В этом же году по поручению Духовно-учебного управления он составил программу преподавания логики в университетах (для создаваемых в них кафедр философии). Особым комитетом при Санкт-петербургской духовной академии программа была признана среди выработанных преподавателями других академий «более заслуживающей одобрения по ясности изложения, полноте содержания и систематической последовательности» [У Троицы 1914] и разослана для руководства по университетам.

Однако бакалавр получал в год лишь 357 рублей [Каптерев 1916]. Этого не хватало на содержание семьи. Нужда изгоняла молодых педагогов из Троицы, заставляла уходить в Москву священниками на приход.

13 мая 1851 г. Ипполит Михайлович был рукоположен святителем Филаретом во священники к храму Успения на Могильцах в Москве. Прекрасно излагаемые и произносимые поучения, благолепие и стройное исполнение церковной службы скоро стали привлекать в храм Успения тысячи молящихся (так что пришлось его расширять), и о Богословском распространилась слава как о лучшем проповеднике и священнослу-

жителе в Москве. Отец Ипполит привел храм к расцвету, ввел благоговейный и строгий порядок богослужения. Будучи великим знатоком церковного пения, приглашал в храм Чудовский хор под руководством Ф.А. Багрецова, с которым отца Ипполита связывала личная дружба. Ипполит Михайлович был членом комитетов по рассмотрению нотных церковных переложений и по составлению учебника церковного пения для народных школ.

Многообразная благотворительная деятельность Богословского-Платонова включала создание училища (для лиц обоего пола), попечительского совета о бедных, женской богадельни [Ловцов 1899].

Недостаточность средств при многочисленном семействе заставила Ипполита Михайловича подать просьбу о переводе, и 18 февраля 1866 г. он был перемещен к храму Живоначальной Троицы на Арбате, в более богатый приход. В 1868 г. отец Ипполит был назначен благочинным Пречистинского «сорока». Как гласный Московской городской думы, он заведовал городскими училищами. Был членом Московского уездного училищного совета, Комитета по устройству эмеритальной кассы духовенства Московской епархии, состоял цензором «Московских Епархиальных ведомостей», избирался в Совет Православного Миссионерского общества, состоял членом-распорядителем Братства свт. Николая и дважды избирался председателем Съезда епархиального духовенства. Ипполит Михайлович преподавал Закон Божий в гимназиях, частных домах и пансионах.

И.М. Богословский-Платонов считался одним из лучших духовников второй столицы. «По своему уму и образованию, по развитию эстетического вкуса в области церковной музыки и церковного пения, по своей неутомимой духовной, учебной и гражданской деятельности Богословский резко выдавался из ряда лиц той скромной среды, в которую был поставлен... Почти вся Москва знала и уважала его за его полезную для церкви и общества деятельность», — писали о нем «Московские ведомости» (1870, № 273). Ипполит Михайлович безвременно скончался 15 декабря 1870 г.

Можно только догадываться, сколь богат и разнообразен был круг общения отца Ипполита. Что, например, связывало его с присутствовавшими на его похоронах городским головой, князем А.А. Щербатовым; русским духовным писателем графом М.В. Толстым? А вот про его отношения с выдающимся русским философом Федором Александровичем Голубинским известно довольно много.

Ф.А. Голубинский был однокашником и другом отца Ипполита Михайловича, Михаила Андреевича Богословского, прадеда Алексея Владимировича Маркова. Они вместе учились в 1814—1818 гг. (т.е. оказались в первом выпуске Академии после ее преобразования и переезда в Троицу), вместе участвовали в студенческом философском обществе «Ученые беседы». Ф.А. Голубинский — автор эпитафии на могиле Михаила Андреевича, умершего в 1836 г.:

*Чем далее он жил, тем более смирялся,
И тем живей огонь любви в нем
разгорался.
Делиться с ближними душой;
Для них позабывать себя и свой покой;
Советом, помощью поддерживать
скорбящих;
Заразы не страшась, спешить к одру
болящих;
Собрату бедному последнее отдать,
На вечную любовь всем сердцем уповать
И орошать стопы Спасителя слезами;
О благости Его беседовать с друзьями,
Благоговеть о Нем в кругу своей семьи —
Вот в чем он находил все радости свои!*
[Марков 1916, 240].

По смерти друга Федор Александрович опекал его семью. Ипполит Михайлович был его любимым учеником, а затем и адъюнктом. Профессор Голубинский оставил его на своей кафедре по окончании учебы. В свою очередь Ипполит Михайлович был воспитателем детей Ф.А. Голубинского [Марков 1916].

В круг общения отца Ипполита входили и его многочисленные родственники, связанные с Московской духовной академией, с гуманитарными, прежде всего историческими, исследованиями. Интересы этого круга через свою мать, Марию Ипполитовну, унаследовал Алексей Владимирович Марков.

Ловцовы

Ипполит Михайлович Богословский-Платонов был женат на Марии Мартыновне Богословской, урожденной Ловцовой. Сестра Марии Мартыновны, Анна, была замужем за Дмитрием Григорьевичем Левитским, писателем, учившимся на курс старше Ипполита Михайловича, а по окончании преподававшего в Московской духовной академии опытную психологию и нравственную философию. Еще одна сестра, София, вышла замуж за однокурсника Богословского-Платонова и по семинарии, и по академии — Сергея Константиновича Смирнова (1818—1889), историка, филолога, члена-корреспондента АН, преподавателя, а впоследствии ректора Московской духовной академии. Фактически все многочисленные зятья Смирновых, многие из его внуков учились и преподавали в Академии, занимались, прежде всего, историческими исследованиями.

Таким образом, среди кузенов и мужей теток Алексея Владимировича Маркова, в той или иной степени пересекающихся с ним по годам жизни, было не менее десятка историков. Но прежде чем перечислить их, приведем некоторые сведения относительно происхождения сестер Ловцовых.

Их отец, Мартин Леонтьевич Ловцов (1795—1869), выпускник Рязанской семинарии, учился в Московской духовной академии с 1818 по 1822 г. и был оставлен при академии как бакалавр еврейского языка. Он — автор синодального перевода книги Второзакония [Смирнов 1879]. Преподавал в Московской духовной академии с 1822 по 1827 г., затем был профессором, законоучителем Екатерининского женского института. С 1828 г. — священник церкви Троицы в Кожевниках, с 1856 г. — настоятель церкви Неопалимой купины в Зубове.

Фамилия Ловцов (в некоторых документах Ловцев) происходит от названия села Ловцы. Это большое богатое дворцовое село на Оке. Главный промысел жителей — ловля и поставка рыбы к царскому столу. Отец Мартина Леонтьевича был настоятелем церкви Воскресения Христова в с. Ловцы. Заметим, что в XVIII веке у провинциального

духовенства фамилий часто не было. Уже упоминавшийся Ф.А. Голубинский, сын Костромского священника, получил свою фамилию по кротости нрава³. Родной брат Мартина Леонтьевича, Алексей Леонтьевич, имел фамилию Ловецкий [Каптерев 1916]. Перечень степеней и областей научных интересов Алексея Леонтьевича, бывшего деканом физико-математического факультета Московского университета, впечатляющ: академик, зоолог и физиолог, минералог, антрополог.

Мартин Леонтьевич Ловцов был женат на Варваре Семеновне Протопоповой, дочери настоятеля церкви Воскресения в Гончарах (на Таганке) Семена Ивановича Протопопова. Из рода Протопоповых вышли выдающиеся представители духовенства. Племянник Варвары Семеновны, однокашник Ипполита Михайловича по Московской духовной академии — Семен, в монашестве Серафим, стал епископом [Голубцов 1995].

Дочери Мартина Леонтьевича и Варвары Семеновны Ловцовых окончили Екатерининский институт, что давало хорошее воспитание, музыкальное образование, знание языков. Среди воспитанниц института были девушки из очень знатных семей. Учащиеся, как и лицеисты в Царском селе, находились в непосредственной близости от двора. В некрологе Софии Мартыновны Смирновой (Ловцовой) рассказывается о забавной картине, когда император Николай Первый, обладавший высоким ростом, стоял в очереди в столовую за крохотной Софией [Каптерев 1916].

Чего не давал Екатерининский институт, так это знаний практической стороны жизни. В результате после материального благополучия отеческого дома переход на нищенский достаток бакалавров был для сестер Ловцовых

³ В 1806 г. Федор Александрович поступил в Костромскую семинарию. Однажды ректор семинарии увидел такую сценку: маленький семинарист с кулаками нападает на большого, который был так кроток и добродушен, что не защищался. Ректора поразило такое незлобие. «Прозывайся ты с этих пор Голубинским», — решил он (из биографии).

сильным ударом. Тем не менее, про дом Смирновых известно, что он был открыт, хлебосольный. Здесь танцевали кадрили и польки, пели хором. Вряд ли дом Богословских-Платоновых был другим, тем более что и сам Ипполит Михайлович великолепно играл на рояле и пел. По воспоминаниям современников, он нежно любил свою «слабую силами» жену и всячески старался освободить ее от хозяйственных забот.

Зятьями Сергея Константиновича и Софии Мартыновны Смирновых являлись воспитанники-преподаватели Московской духовной академии Константин Иванович Богоявленский (1839—1913), Николай Федорович Каптерев (1847—1917), Александр Петрович Голубцов (1860—1911). Еще одна дочь Смирнова, Анна, была женой историка, государственного деятеля Павла Николаевича Милюкова (1859—1943). Интересно, что познакомились они на почве общих занятий историей. Анна была любимой ученицей В.О. Ключевского на Высших женских курсах В.И. Герье.

Из следующего поколения Смирновых несколько человек занималось историей. Сохранились письма А.В. Маркова к двум из них. Своего троюродного брата Павла Николаевича Каптерева (1889—1955) он приглашал работать на Тифлисские высшие женские курсы [РГБ 4-337], а троюродной сестре Марии Александровне Голубцовой (1888—1925) Алексей Владимирович предлагал тему для кандидатской работы [РГБ 4-343].

Сколь тесно переплетались различные ветви родословного древа Алексея Владимировича Маркова, демонстрирует, в частности, тот факт, что Сергей Константинович Богоявленский (1871—1977), выдающийся историк, архивист, — сын кузины Марии Ипполитовны по ветке Ловцовых, женился на кузине Марии Ипполитовны по ветке Богословских — дочери Михаила Михайловича Богословского-старшего (1826—1893) — отца историка Михаила Михайловича Богословского-младшего (1867—1929). Богословский-старший, сосед Марковых по Денежному переулку, церковный староста Троицкой церкви, по-видимому, был братом Ипполиту Михайловичу, соответственно двоюродным дедом Алексею Владимировичу. На это указывает тот факт, что

М.М. Богословский-младший в своих мемуарах говорит о дружбе и родстве отца с Ф.М. Ловцовым [Богословский 1987]. Так что в непосредственной близости от дома Марковых две ветви их рода еще раз соединились.

Перечислим еще раз представителей большой семьи Смирновых, занимавшихся историей и пересекшихся по времени жизни с А.В. Марковым: С.К. Смирнов, К.И. Богоявленский, Н.Ф. Каптерев, А.П. Голубцов, П.Н. Милюков, С.К. Богоявленский, И.А. Голубцов (1887—1966), С.А. Голубцов (?—1930). Исследованием архивов Московской духовной академии, историей своего храма занимался дядя матери Алексея Владимировича Ф.М. Ловцов (1835—1919). Большим ученым, академиком был ее кузен М.М. Богословский-младший.

Предположения и вопросы

В семьях клира было, как правило, много детей. В некрологе И.М. Богословского-Платонова говорится о братьях, сестрах, детях [Некролог 1870]. Из писем вдовы Алексея Владимировича — Маррены Никитичны Марковой — следует, что Б.А. Богословский, сопровождавший Алексея Владимировича в экспедициях, приходился ему кузеном. Есть предположения относительно родни со стороны Владимира Семеновича Маркова (там тоже были священники, занимающиеся историей). Они подлежат исследованию и проверке.

Наиболее перспективные ветви в отношении движения к корням — Богословские и Протопоповы. Судя по фамилиям, предков их можно искать и ранее XVIII века. Пока ничем не подтверждаемую гипотезу можно высказать на основании анализа работы самого Алексея Владимировича, посвященной Феодору, протопопу Благовещенского собора в Кремле, жившему в XV веке [Марков 1912]. Его дети, скорее всего, имели фамилию Протопоповы. Что заинтересовало Алексея Владимировича в его судьбе, непонятно: пересечений с другими исследованиями А.В. Маркова не выявлено. Может быть, он видел в Феодоре своего предка.

Интересно было бы понять, в какой мере на формирование личности Алексея Владимировича влияло его окружение,

что было обусловлено генетически. Так, отмечаемые во всех воспоминаниях и во всех биографиях смелость и независимость научной мысли, проявившиеся, в частности, в том, что даже для любимого учителя В.Ф. Миллера он был «постоянным оппонентом», можно было отнести к особенностям воспитания. Однако эти же качества были присущи и его сыну Александру Алексеевичу Маркову (1917—2003), который родился спустя три недели после смерти отца и вырос совсем в других условиях: в провинциальном Звенигороде, в жестокой нищете, в ортодоксально-атеистическом окружении. Александр Алексеевич стал крупным специалистом в технике, и его всегда отличало критическое отношение к любым авторитетам.

В любом случае, исследование истории семьи А.В. Маркова служит вспомогательным средством для полномасштабного изучения его творчества. Опубликованные труды ученого и его обширный архив, хранящийся в личных архивных фондах Российской государственной библиотеки, ждут своих исследователей.

Литература

- Азбелев 2001 — *Азбелев С.Н.* Алексей Владимирович Марков как медиевист и отзывы о нем современников // Древняя Русь. 2001. № 3. С. 98—106.
- Беломорские старины 2002 — Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
- Белый 1989 — *Белый А.* На рубеже двух столетий. М., 1989.
- Богословский 1987 — *Богословский М.М.* Историография, мемуары, эпистолярная. М., 1987.
- Голубцов 1995 — *Голубцов С.А.* Сплоченные верой, надеждой, любовью и родом. М., 1995.
- Иванова 1993 — *Иванова Т.Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках: Е.В. Аничков, А.В. Марков, Б.М. и Ю.М. Соколовы, А.Д. Григорьев, В.Н. Андерсон, Н.Е. Ончуков, О.Э. Озаровская. СПб., 1993. С. 36—59.
- Каптерев 1916 — *Каптерев П.* Памяти Софии Мартыновны Смирновой: (некролог) // Богословский вестник. 1916. № 3/4. С. 597—602.
- Ловцов 1899 — *Ловцов Ф.М.* Исторические сведения о церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Могильцах. М., 1899.
- Марков 1873 — *Марков В.С.* О Ев. от Матфея: Разбор и опровержение воззрений

против него отрицательной критики Баура. М., 1873; ПБЭ. 1901. Т. 2. С. 277—283.

Марков 1904 — *Марков В.С.* Церковная школа по мысли святителя Филарета, митр. Московского // Душеполезное чтение. 1904. Ч. 3. С. 189.

Марков 1908 — *Марков А.В.* Еще об имени былинной киевской княгини // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1908. Кн. 2, смесь. С. 5—6.

Марков 1912 — *Марков А.В.* Переводчик Благовещенский протопоп Феодор: (Библиографическая справка) // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1912. Т. 17, кн. 3. С. 223—226.

Марков 1913 — *Марков А.В.* Море Тивердианское в дуалистической легенде о сотворении мира // Этнографическое обозрение. 1913. № 1—2. С. 64—75.

Марков 1914 — *Марков А.В.* Родина паломника Арсения Селунского // Русский филологический вестник. 1914. № 2. С. 556—561.

Марков 1914а — *Марков А.В.* Один из случаев литературного вымысла в московском летописании // Известия Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1914. Кн. 1. С. 41—48.

Марков 1916 — *Марков В.С.* Надгробная надпись, достойная внимания (Эпитафия св. Михаила Андреевича Богословского, составленная протоиереем Федором Александровичем Голубинским) // Богословский вестник. 1916. № 10/12. С. 239—241.

Некролог 1870 — Некролог И.М. Богословского-Платонова // Московские Епархиальные ведомости. 1870. № 51. С. 7—8.

Смирнов 1871 — *Смирнов С.* Некролог И.М. Богословского-Платонова // Современная летопись (повоскресное приложение к «Московским ведомостям»). 1871. № 4. С. 6—8.

Смирнов 1879 — *Смирнов С.К.* История Московской Духовной Академии до ее преобразования. М., 1879.

Соловьев 1993 — *Соловьев С.М.* Детство. Главы из воспоминаний // Новый мир. 1993. № 8. С. 178—205.

Соловьев 1918 — *Соловьев С.М.* Памяти протопресвитера В.С. Маркова // Богословский вестник. 1918. № 6/9. С. 247—248.

У Троицы 1914 — У Троицы в Академии (1814—1914). М., 1914.

Филарет 1903—1906 — *Филарет (Дроздов), митр.* Полн. собр. резолюций. М., 1903—1906.

Сокращения

РГБ — Марков Алексей Владимирович (1877—1917), этнограф, историк литературы, преподаватель Тифлисских высших женских курсов // Личные архивные фонды РГБ, ф. 160, 836 ед. хр., 1890-е гг. — 1917 г.